

К. Г. ЛЕВЫКИН

Деревня Левыкино и ее обитатели

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2002

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 00-01-16087

Левыкин К. Г.

Л 34 Деревня Левыкино и ее обитатели. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 408 с., ил.

ISBN 5-94457-038-5

Воспоминание-повесть об истории трех русских деревень старинного Мценского уезда — Левыкино, Ушаково, Кренино — и о судьбе их крестьянских родословий в годы лихолетий XX в. Свою жизнь они начинали в далекое Смутное время XVII века. В это тревожное время сложились особенности уклада жизни этих и подобных им деревень государственных крестьян, предки которых несли когда-то государеву службу на южных границах отечества. Тогда уже обозначались особенности характера, морально-этических норм поведения, гражданского сознания и культурных традиций этого особого слоя российского крестьянства. Автор книги унаследованной от своих дедов и родителей памятью сердца, а также с помощью профессионального опыта историка-обществоведа ищет в воспоминаниях о родословиях Левыкиных, Ушаковых и Ермаковых эти особенности и в них находит ответ на вопрос, как и почему им удалось сохранить себя в жестоких социальных, экономических и политических стихиях XX века. Последняя трагедия на Мценской земле разыгралась осенью 1941 года и продолжалась вплоть до 1943 г., до разгрома фашистских оккупантов в сражении на Орловско-Курской дуге. В нем и на других фронтах воевали и Левыкины, и Ушаковы, и Ермаковы. Фашистские бомбы и снаряды разрушили маленькие деревеньки, простоявшие на своей земле почти четверста, а может быть, и больше лет. Но не распался тогда колхоз «Красный путь», не исчезли с карт Мценского района названия родных деревень. Они оставались еще живыми. Однако конец их был близок: он наступил в суете послевоенных передряжек колхозного строя. Автор книги пытается объяснить и эту причину случившейся драмы.

63.3(2)

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© Левыкин К. Г., 2002

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

*Памяти моей родной деревни Левыкино,
моих родителей, родственников и всех
деревенских земляков — Левыкиных и
Ушаковых-посвящаю*

СОДЕРЖАНИЕ

Деревня Левыкино и ее обитатели	5
Моя родня	
Левыкины и Ушаковы	133
Мы Левыкины-Шавыры	133
Тетка Дуня и ее горемычные сыновья	282
Деревня Ушаково. Мои родственники — Хлопянные	298

ДЕРЕВНЯ ЛЕВЫКИНО И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

Мне всегда казалось, что право писать мемуары, рассказывать посторонним людям о своей жизни, об увиденном и услышанном на ее пути имеют только люди исключительные — государственные деятели, известные ученые, писатели, военачальники, герои, словом, люди, имеющие большие заслуги на том или ином поприще жизнедеятельности. Себя я никогда не считал таковым, а поэтому никогда и в мыслях не имел смелости, да и желания на такой поступок. Жизнь моя мало отличалась от жизни моих сверстников. У моего поколения была общая судьба, как мне казалось, одинаковые перспективы и возможности. Нас объединяли общие идеалы, а поступки диктовались общими историческими и материальными условиями жизни.

Я родился в советское время, учился в советской школе, родители мои были простые люди, вышедшие из крестьянской семьи среднего достатка. Они воспитали меня, моих братьев и сестру в соответствии со своим пониманием гражданских, общественных и родительских обязанностей. Этого воспитания хватило нам всем, чтобы прожить честную жизнь и передать родительскую эстафету нашим детям.

Я ушел на войну добровольцем. Как и многие, честно выполнил свой долг перед Родиной. Но каких-либо выдающихся подвигов не совершил. Мне суждено было остаться в живых, хотя убитым я мог быть множество раз. Как и мои сверстники, ушедшие на войну со школьной скамьи, я вместе с ними одинаково решал свои жизненные задачи в мирное время. Учился в университете, а потом всю жизнь работал в меру своих возможностей, как и все. Поводов для письменных воспоминаний у меня не было.

Но с течением жизни, по мере достижения известного возрастного рубежа память все чаще и чаще стала возвращать меня в прошлое, к моим родителям, родным и неродным людям, к родным местам и дорогам, по которым когда-то ходил, к моим друзьям, которых у меня было много, и к немногим недругам, к тем, кто меня понимал, и тем, кого я не сумел понять. Все больше и больше мной стало овладевать наивное желание: вновь — не заново, а только вновь — прожить то, что безвозвратно ушло и что изменить, увы, уже нельзя. Сделать же это возможно только единственным способом — запастись бумагой и карандашами, выбрать свободное время и сесть за стол.

Но, во-первых, долго не было свободного времени, а во-вторых, желание долго упиралось в сомнения и обыкновенную лень. Наконец, свободного времени стало достаточно, и однажды утром я сел за стол. Но я долго сидел за столом, не написав ни одного слова, не придумав начала, которое оправдало бы мой поступок.

Дело оказалось сложнее, чем я предполагал. Наконец, первые строки все-таки появились. Теперь я их перечитываю и сомневаюсь. Я не очень надеялся и до сих пор не питаю никаких иллюзий, что эти воспоминания найдут постороннего читателя. Но все-таки хотелось бы, чтобы дети мои и внуки, а потом, может быть, и правнуки, даже если они будут беспощадно строги к оценке моего времени, нашли бы время их почитать. Они, надеюсь, простят мне мои литературные неудачи и поверят в правдивость излагаемых фактов, в искренность моих убеждений и честность поступков.

А начинать я решил с рассказа о моей деревне Левыкино, в которой жили мои деды и бабки, мои родственники и родители, в которой родился я сам и в которой все жители носили одну и ту же фамилию — все были Левыкины. И припомню мне яблоневый сад, который когда-то посадили наши пра-родители по краям Левыкинской деревни и оставили его нам в наследство как добрую память о себе.

* * *

Еще с далекого детства меня занимали всяческие догадки о каком-то особом происхождении нашей деревни, о каком-то только ей свойственном достоинстве. Удивляли меня

и название деревни, и звучание нашей деревенской фамилии. Долгое время я был уверен, что она была одной из редких среди прочих названий.

Сама по себе деревня Левыкино была, как и многие другие в наших мценских окрестностях, невелика по размеру и незаметна по всем остальным признакам внутреннего устройства и быта. И все же и у меня, и у моих родственников и односельчан всегда жило особое чувство по отношению к родному месту и даже амбиция причастности к какой-то необычной истории этого места. Ведь эти места знакомы миру в описаниях великих русских писателей: Тургенева, Толстого, Фета, Бунина, Пришвина. Читая их прекрасные повести, романы и рассказы, я всегда мысленно ходил и жил вместе с их героями по Бежиным лугам, Поповым и Монашьим верхам, полям и лесам, сознавая себя органической частью прекрасной нашей южнорусской подстепной природы и всего ее человеческого отродья. Все это всегда наполняло меня и многих других моих земляков чувством гордости.

И все-таки деревенька наша Левыкино была неприметна и неказиста. И казалось, что рассказать о ней было нечего. Жили в ней люди, как все, трудились, как все, и рождались и умирали тоже одинаково. Но как-то однажды, когда я уже стал историком по профессии, некоторые ее атрибуты, сохранившиеся в обиходных названиях мест, деревенских угодий, в определениях обычаев, зазвучали для меня языком далекого исторического времени. Густые орешниковые заросли за деревней назывались у нас засекой, а поляна между засекой и краем деревни — лазами. А орешниковые кусты на задах деревни звались колычками. И тогда я уже стал понимать, что возникновение деревни в далеком прошлом было не случайным в истории не только наших мест, но и в истории государства российского и ей была в ней назначена своя роль. Она всю жизнь стояла на древней оборонительной черте Московского государства.

Но, поняв это, я, к сожалению, не занялся разыскиванием новых исторических фактов, которые подтвердили бы мою догадку. Предмет моих интересов как историка лежал в более позднем историческом времени, а до писания мемуаров дело еще не доходило. Но вдруг мои догадки получили новый импульс любопытства.

Однажды ко мне как к директору Государственного Исторического музея пришла посетительница. Она представилась как научный сотрудник Института русского языка и литературы Академии Наук СССР. К сожалению, ее фамилии я уже не помню. Просьба ее ко мне касалась допуска к работе в фондах отдела древних рукописей и старопечатных книг. И вдруг она неожиданно спросила меня, откуда я происхожу родом — не из Мценска ли? Я сказал: «Да, из Мценска, точнее из деревни Левыкино Мценского района Орловской области». Собеседница моя удивленно и радостно оживилась. И тут я узнал от нее, что в книге «Южнорусские наречия», составленной из отказных грамот XVII века и изданной ее институтом, несколько раз упоминается фамилия служивого человека из Мценска, сына боярского Василия Мелентьева Левыкина. И добавила вопросом: «Не предок ли он ваш?» Теперь еще больше удивился и обрадовался я, так как воспринял сообщенный мне факт восточкой от далекого предка. Вскоре она подарила мне экземпляр книги, и я с интересом стал вчитываться в тексты грамот по Мценскому уезду, а потом и по другим уездам Орловской и Курской губерний. И вот из XVII века мне открылись знакомые с детства названия деревень, имен и фамилий.

Наконец на одной из страниц книги, в отказной грамоте я увидел название моей деревни. Сейчас я читаю ее с самого начала: «Лета 1634 июня 25 день, книги поместные отказные по государевой Царя и Великого князя Михаила Федоровича Всея Руси, грамоте из Поместного Приказа за подписью дьяка Пятого Спиридонова и по наказной памяти Воеводы Лазаря Петровича Ододорова.

Отказ мценянина сына боярского Семена Яковлева, сына Лобова по челобитию мценянина Еремея Русинова сына Ошихмина. Ездил он (т. е. С. Я. Лобов) в Мценский уезд, Чернский стан, поместья Дмитрия Субочева в деревне Левыкинской под Баклановым лесом...»

Вот оно что, прочитавши, подумал я! В 1634 году деревня-то наша уже стояла там, где спустя четыре столетия родился я. И тут же возникло соображение, что она стояла и много раньше того случая, когда туда на отказ приехал сын боярский Семен Лобов. И место для деревни было выбранное тогдашними людьми, может быть, в XVI веке, а может, и того раньше,

не случайное, а очень боевое и сторожевое на всю округу. И поселились в ней тогда люди, чтобы далеко видеть и предупреждать страну свою, землю свою о всяческих опасностях.

Сейчас деревни Левыкино нет. Стерло ее с лица земли жестокое лихолетье Великой Отечественной войны. В течение почти двух лет, в 1941—1943 годах, сжигала и разметала она взрывами авиационных бомб и артиллерийских снарядов и нашу, и другие окрестные деревни, вставшие когда-то в древности на боевых высотах и косогорах на службу государеву. Сгладила война их усадьбы, рубежи, рвы и канавы, изгнала оттуда людей на новые неблизкие места.

И все же! И все же и до ныне не исчезла еще память о нашей деревне. Ее хранят старые ракиты, еще не сгнившие до конца при от могучих дубов и лип, росших когда-то по околицам, и вдоль исчезнувших дорог, и вокруг старого деревенского выгона, и на плотинах деревенских прудов. А в шестидесятые-восьмидесятые годы стояли на ее месте два-три обитаемых домика, в которых доживали свой век покинутые или осиротевшие старики. К ним не пришли с войны их сыновья. Теперь только они охраняли угасающей жизнью своей эту микроскопическую опорную точку истории Русского государства как топографическую реликвию на некогда проходившей здесь ее исторической и военной границе. За чертой исчезнувших деревень когда-то начинались здесь дикие и опасные земли, из-за которых наваливались на Русь вплоть до XVIII века орды грабителей. В XVII веке это были уже не волны кочевников, ищущих кормовые пространства и иногда оседающих на этих пространствах, вживающихся в них, принося им свои названия и восприимая местную жизнь с ее обычаями, хозяйственным укладом и культурой. Теперь это были подготовленные и организованные набеги грабителей, сжигающих дома, опустошающих земли, угоняющих скот и увозящих в полон русских жен и невест.

Неслучайно 25 июня 1634 года в деревню Левыкинскую приехал сын боярский Семен Лобов по государевой грамоте Царя и Великого князя Всея Руси Михаила Федоровича передать служилому человеку мпенянину Еремю Русинову сыну Ошихмину поместье Дмитрия Субочева. «То Дмитрия Субочева не стало, умер в нынешнем 1634 году, а жену его взяла

в полон крымские люди». В поместье тогда остались сиротами «четыре дочери: девки Фетиница, да Онтанидица, да Нелидица, да Озиница».

Новый хозяин Еремей Русинов сын Ошихмин «сговорил за себя большую дочь, девку Фетиницу. И Семен Лобов отказал тому Еремею Ошихмину и своякиням его из поместья Дмитрия Субочева тридцать четей в поле, а дву потому же (т. е. всего 90 четей при трехпольном обороте) со всякими угодьями по семи четей человеку да двор помещиков Дмитрия Субочева». Из грамоты мы узнаем непростую структуру поместья. Оказывается, что во дворе Субочева жил еще крестьянин Игнатка Федоров с сыном Сенькой. А к поместью примыкал еще другой двор крестьянский, а в нем жил крестьянин Исайка Степанов с сыном Степанкой. Видимо, это были зависимые от служилого человека люди — крепостные. На отказе, т. е. в момент передачи, в качестве свидетелей присутствовали жившие по соседству и, возможно, даже в той же деревне другие дети боярские, тоже помещики «Федор Лаврентьев сын Легонов, да Афанасий Алферьев сын Очкасов, да Семен Никонов сын Булавенков, да Аникей Алферьев сын Очкасов, да их крестьянин Федот Иванов, да Федора Легонова крестьянин Фрол, да Новосилец сын боярский Григорий Алдакимов сын Таратухин, да Илейка Наседкина крестьянин Емельян, Государева сотника крестьянский староста Семена Наседкина Мокей Семенов с товарищами».

На акте передачи поместья умершего Дмитрия Субочева в деревне Левыкинской в тот день, очевидно, собрались все ее обитатели и соседи: служилые люди, дети боярские, выполнявшие здесь государеву службу по охране русской границы. Вместе с ними были и их крепостные крестьяне. Из этого можно сделать вывод о том, что к указанному времени место деревни и ее окрестностей было достаточно обжитым и выполняло определенную функцию в системе Мценского района обороны границы и постоянного наблюдения за дикой степью. И еще одно предположение возникло при чтении грамоты. Видимо, тогда определилась оптимальная мера количества дворов в, если можно так назвать, типовой служилой деревне. Это прежде всего зависело от возможности прокормиться на ее неудобной для ведения хозяйства, ограниченной территории. Напомню,

что в памятное мне время на всю деревню здесь имелся только один колодезь с водой, пригодной для людей и скота. Не случайно за недостатком воды с тех давних времен люди научились здесь строить пруды и плотины, чтобы собирать и экономно расходовать атмосферную воду. Деревни на боевых местах вдоль засечной черты в 15—20 дворов можно, наверное, определить для нашей мценской округи как типовые для своего времени.

Неясным, однако, остался для меня вопрос о том, с какого времени в таких деревнях разноименные семьи детей боярских и их крестьян стали жить под общей фамилией. Не разгадал я и того, почему деревня наша имела название Левыкинской. Правда, в других грамотах Мценского уезда я встретил имя сына боярского Василия Мелентьева Левыкина. Ему тоже поручалось выполнение указов Московского Царя по передаче поместий в других деревнях новым хозяевам за убытием старых. Может быть, или он сам, или его предки и основали деревню Левыкинскую?

Все это, однако, требует подтверждения другими документами. Я надеюсь, что мой сын Алексей, может быть, заинтересуется моими предположениями и займется их проверкой. Может быть, ему удалось бы выяснить, какая из четырех девушек-сирот Дмитрия Субочева и кто из детей боярских или их крестьян дали начало моей родословной.

Но пока сам я ограничусь сделанными предположениями, будучи уверен в наличии для них реальной основы. Теперь же я опишу деревню, какой я ее запомнил с детства сам.

Давно уже исчезло из упоминания в нашей округе имя того Баклановского леса, который был назван в отказной грамоте лета 1634 в качестве ориентира местоположения деревни Левыкино. Не только я, но и мои родители, а также и бабушка моя просто не знали этого наименования. В нашем, двадцатом веке пользовались уже другими ориентирами.

Деревня Левыкино до начала Великой Отечественной войны стояла и дымила своими трубами по левую сторону, через луг, от Каменной дороги, как мы называли в свое время нынешнее асфальтовое Симферопольское шоссе. Кстати, скажу, что новая автомобильная трасса теперь проходит по другую сторону нашей деревни. И, увы, увидеть ее с нового участка трассы из-за выросшего молодого осинника нельзя. А в конце двадцатых —

начале тридцатых годов, из которых я веду свой рассказ, деревня стояла на 301-й версте дороги от Москвы. Здесь сходились новая и старая трассы древнего пути из Московского государства на юг, в Крым. Я помню участок широкой гужевой дороги, которая выходила на Каменное шоссе справа от железнодорожной станции и деревни с одинаковым названием Бастыево. Называли эту дорогу большаком. А тянулся он сюда из-за противоположного станции Бастыево Стрелецкого леса, за которым и ныне находится знаменитое тургеневское Спасское-Лутовиново. Оттуда, с севера тянулась эта важная магистраль из Москвы на юг, в Крым. А наша деревня, расположенная на высоком месте слева от нее, охраняла свой участок дороги на подъезде к городу Мценску. До города от нас было еще семь verst.

Чтобы попасть в нашу деревню, надо было от станции Бастыево проехать или пройти пешком с километр пути по старому большаку и пересечь на отмеченной триста первой версте Симферопольское шоссе. Отсюда сразу открывался вид на наше Левыкино. С этого места я в воображении своем до сих пор с детства помню и вижу ее покрытую пеленой цветущего в весенние дни яблоневого сада. А вокруг над полями ржи и пшеницы летним днем голубело высокое небо, в котором раздавалась неумолчная песнь жаворонков.

Воображение это запечатлелось в моей памяти от ежегодных встреч с деревней, когда наша, уже ставшая городской, семья приезжала сюда на месяцы летних каникул и отпусков. На станции нас обычно встречали с подводой наши деревенские родственники. На телегу грузился весь наш багаж с припасами городской продукции, а мы, все приезжие, шли пешком сбоку телеги. Идти до встречи с деревней было недалеко, не более километра. И она открывалась перед нами неожиданно из-за бастыевского пригорка, через расстилающийся под нашими ногами не скошенный еще цветущий луг, дугою опоясывающий с востока на запад подножие нашего деревенского чудо-острова.

Наверное, в древние времена этот заносимый зимой по верхние края снегом, по весне затопляемый полый водой, а к началу лета расцветающий цветами разнотравья луг служил преградой на пути внезапных нападений на нашу сторожевую деревню крымской конницы с тыла.

Восточный конец луговой дуги, опоясывающей деревню, был перегорожен плотиной, поверх которой вниз по лугу стекал ручеек от недалекого родничка из прорытого земляного рва. Он составлял часть земляной фортификации на нашем придеревенском участке оборонительной засечной черты. Мне кажется, что самым ранним краем своей детской памяти я застал этот родничок еще живым. А когда он окончательно засох, мы с товарищами моими ходили туда в ров с лопатой и пытались откопать его. Но наши попытки были тщетны.

На плотине в давние года были посажены двумя рядами ракиты. Они выросли в большие деревья с толстыми, в два, а то и в три обхвата стволами с разросшимися зелеными кронами. Несколько старых деревьев стояли еще и в последний мой приезд. Я проходил мимо них, а они встречали меня шепотом зеленых листьев на тихом непрерывном ветру. От тихого их шума и прозвали мои предки это место Шуменками. Шумят старые ракиты что-то на своем ракитовом языке о том, что они видели, что слышали. Да вот до сих пор никому не довелось разгадать их рассказа.

Прорытый когда-то за плотиной ров затем проходил по южной окраине деревни. Его остатки еще зрительно обозначались в памятные мне тридцатые годы.

За этим рвом перед деревней расстилалась просторная и ровная поляна. Она имела название лазы и служила вторым деревенским выгоном. Наверное, здесь когда-то через древнюю засеку был проделан лаз, давший нашей прекрасной поляне свое имя. На ней мы предвечерней летней порой в ожидании стада играли с азартом в лапту. А орешниковые кусты сохраняли тогда название засеки. Орехов в них хватало на всю нашу деревенскую ребятню.

Теперь я могу допустить, что и поляна-лазы, и кусты-засека, и кусты-кольчки — все это были остатки некогда стоявшего здесь дремучего кленового и дубового Баклановского леса, упомянутого в знакомой нам Отказной грамоте, писанной мценянином Иваном Петрищевым в 25 день июня лета 1634. Мой старший брат говорил мне, что Бабушка наша Арина Стефановна будто бы рассказывала ему об этом лесе, о том, как она в молодости своей ходила в этот лес по грибы и по ягоды. А иногда в его дремучих чащобах приходилось долго искать забредших

туда деревенских коров. В древние времена через лаз предки наши выгоняли на опасные поляны леса части своих коров под строгим и постоянным наблюдением. Не случайно, наверное, у нас в речи не употреблялся глагол «пасти». Деревенское стадо у нас «стерегли», охраняли от возможных нападений все тех же крымских налетчиков-грабителей.

А на западной окраине деревни луговая долина, обогнув ее узкой лощиной, выходила в Попов верх. До него по северному обводу, по обеим сторонам дуга рос, а сейчас еще более разросся мелкий осиновый и березовый лес. Он, как и раньше, зовется Кренинским лесом. За ним на косогоре сохраняются еще остатки маленькой деревеньки Кренино. Кренинский лес в Поповом верху заканчивался густыми зарослями орешника и ежевики. Здесь всегда было много и земляники.

Слева от Попова верха за дубовой рощей, или просто дубинником, стояла вплоть до конца Великой Отечественной войны наша Беляниновская церковь Иоанна Предтечи. Рядом с ней был погост и старая церковно-приходская школа. В этой церкви крещены были и похоронены мои деды и прадеды и бабки с прабабками; крестили в этой церкви и меня. Во фронтовом сорок третьем году во время битвы на Орловско-Курской дуге на Поповке и в старой церкви стоял командный пункт воздушной армии. Мне об этом рассказывал бывший в то время член Военного совета этой армии генерал Московский. Церковь служила наблюдательным пунктом. С ее колокольни небо и горизонт просматривались чуть ли не до самого Орла. Ее обстреливали из дальнбойной артиллерии, бомбили с воздуха. Но она уцелела. Святое место не разрушила жестокая война. Но в 1945 году мценские власти распорядились ее сломать, а кирпич употребить якобы на восстановление разрушенных зданий города. Никто не ведает теперь, сколько домов построили из этого святого кирпича. С тех пор наш погост остался без церкви.

На нем до сих пор хоронят, но уже без церковного пения, без ладана и без звона колоколов. Да ведь для новых поколений эти атрибуты стали надолго ненужными. Старики уже давно отошли в царство небесное. А недавнего «совка» быстро принесут сюда, скажут коротенькую речь с напутствием: «Спи спокойно, дорогой товарищ!» — да и поспешат

на поминки. А скоро после них и забудут своего «дорогого друга и соратника». Неприкаянный вид имеет теперь наш погост на голом месте. Ничего здесь не напоминает старую благочестивую Поповку.

А вот наш прекрасный деревенский луг каждую весну и в лето цветет, и благоухает, и будит воспоминания детства. Однажды я прошел по нему со своим старшим сыном и вспомнил, как, бывало, мы встречались с ним в одно из солнечных утр нашего приезда в деревню из Москвы на летние каникулы.

Для взрослых людей луг был главным сенокосным угодьем. Был урожай сена хорошим, был сенокос в сухую погоду, было у наших коров достаточно сена. Значит, было и молоко, значит, была в зиму сытая жизнь. Но бывало и иначе. Лучше не вспоминать того, что было иначе!

А для нас, деревенских ребятишек, луг был прекрасной рекой радости. С ранней весны крестьянская детвора паслась на нем после долгой зимы, пробуя первые дары пробуждающейся и расцветающей природы. Сначала мы объедались кислыми листьями лугового шавеля, его молодыми и нежными стебельками, которые назывались у нас кочетками. Потом мы искали на лугу вкусную, горьковатую, как редиску, траву под странным названием сергибус. Съедобными были у ней толстоватенькие мясистые стебельки. Нигде кроме наших мест я не слышал такого названия лугового растения из семейства зонтичных. О таком названии этого семейства я узнал уже из школьного учебника ботаники. А тогда на лугу мы набирали целые букеты стебельков, очищали от шершавой оболочки и с аппетитом друг перед другом поедали этот луговой деликатес.

А на луговых склонах, по опушке Кренинского леса, в березняке мы находили очень редко попадающиеся желтые цветочки баранчиком на невысоком тоненьком стебельке. Их так и называли — баранчики. Он тоже был съедобен. Но теперь вкуса его я не помню. Помню только, что мы очень усердно его искали, а когда находили, с удовольствием съедали его баранчиком завитую желтую головку.

С середины лета уже по скошенным склонам поспевала луговая клубника, некрупная, но очень сладкая и душистая. Особенно сладка и духовита, да и покрупнее, она поспевала на теплых каменистых местах.